

Анисов Лев

1420.05.05
(маш)

УЧАСТЬ В МОСКОВСКОМ университете и сразу избрав для себя путь, по которому иду и сейчас, — путь изучения древнерусской живописи, реставрации, охраны памятников старины — я, конечно, не оставался в стороне от занятий русским изобразительным искусством XVIII — начала XX века. Должен сказать, что мне и моим сокурсникам повезло, потому что русское искусство этого времени нам читал совершенно удивительный рассказчик — профессор, заведующий кафедрой Алексей Александрович Федоров-Давыдов.

Проходили занятия не в университетских аудиториях — раз в неделю мы на два с половиной часа встречались с Алексеем Александровичем в залах Третьяковской галереи и слушали монографические лекции об Александре Иванове, о Карле Брюллове, о Михаиле Врубеле. Это было не менее интересно, чем самое захватывающее кино, а тогда выходило много хороших фильмов. Мы любили погулять-побаловаться в окрестных заведениях на скудные свои стипендии и зарплату, которые получали в реставрационных мастерских. Но с лекций Федорова-Давыдова никто не уходил. Если он рассказывал о Венециано-

ве, мы как будто проживали два с половиной часа вместе с Алексеем Гавриловичем в его имении, с его героями, его знакомыми — с Карамзиным, Пушкиным, Гоголем. А в лекциях о Врубеле, Серове представал сложный мир конца XIX — начала XX века, когда готовилось разрушение Русской империи и Россия содрогалась от предчувствия той трагедии, которая уже стояла на пороге.

Чтобы так рассказывать, нужны две предпосылки. Первая, самая главная, любить. И вторая, не менее важная, знать. И то, и другое у Алексея Александровича было. Он досконально изучил биографию не только самого художника, но и каждого портретируемого. Очень любил творчество Сильвестра Шедрина, Воробьева, других мастеров русского пейзажа XIX века. О Левитане издал огромную книгу. Но вот такой парадокс. Когда после блистательных лекций мы брали книги Федорова-Давыдова, было такое впечатление, что это талант, попавший на принудительные галереи и отбывающий какую-то повинность. Богатейший материал, насыщенность документами, а читать скучновато.

Наряду с лекциями Алексея Александровича Федорова-Давыдова открывать мир русского искусства нам помогали в те годы книги Бенуа, барона Врангеля, Муратова, Эфроса. Конечно, читали мы и мемуары одного из лучших писателей-художников Константина Коровина. Казалось бы, написаны они простым, иногда может даже показаться, простоватым языком, но как ярко нарисованы образы Шалаяпина, Серова, Горького, того же Врубеля. Сейчас о таких книгах, о лекциях, подобных лекциям Федорова-Давыдова, стараются забыть. Главное же, стараются забыть о героях этих книг и лекций — удивительных русских художниках. Если посмотреть весь спектр выставочной деятельности за последние пять лет, поражает, как мало уделяется внимания великим нашим мастерам. А когда все-таки появляется такая выставка, о ней говорят очень скупо, фильмов об этом искусстве снимается тоже мало.

И я благодарен в тяжелой сегодняшней ситуации издательству "Молодая гвардия", что в своей эпохальной, фундаментальной серии "Жизнь замечательных людей" находит место для классических художников. Выходят в ЖЗЛ и книги моего давнего друга

Льва Михайловича Анисова. Сначала это была монография об Иване Ивановиче Шишкине, потом о Павле Михайловиче Третьякове. И вот недавно об Александре Иванове. Должен сказать, что книги Льва Анисова дороги мне по той же причине, по которой дороги лекции Алексея Александровича Федорова-Давыдова. Дело в том, что писатель любит своих героев и знает о них, кажется, все. Читаешь книги Льва Анисова о художниках, и поражаешься, сколько он умудряется перелопотить материала. В молодости мне доводилось писать для газет и о Венере Милосской, и о египетских пирамидах, и о бюсте Нефертити, и о Джоконде. Мог написать сколько угодно, потому что, хотя эти вещи мне очень нравились, я о них мало знал. Просто мог взять работы голландских старых художников, это было скорее поветрие. Просто купил, поставил, забыл. Потом, когда пришло время общения с художниками и познания этого удивительного, незнакомого для него мира, Павел Михайлович, а он был прекраснейшим аналитик, ушел, и тогда история русской живописи это история русской мысли в не меньшей степени, чем история русской литературы, и понять эту русскую мысль, выраженную живописью, можно только, проанализировав ее в развитии. Это один из основополагающих моментов его идеи собирания картин.

Суриков совсем маленьким был, когда увидел папача, расхаживавшего в красной рубахе, кушаке и поджидавшего свою жертву. Впечатление оказалось настолько сильным, что сохранилось до той самой поры, когда Суриков приступил к картине "Утро стрелецкой казни", с которой вступил в мир как художник и которая принесла ему признание. Все это подтверждает мои догадки, но так ли, не так ли, не знаю, потому что говорю субъективно.

Что касается Павла Михайловича Третьякова, он ведь начал, как многие купцы, а это выходы из крестьян, люди, не сказать, чтобы скверняки, но умеющие ценить заработанную копейку и желающие не попусту потратить ее. И для Павла Михайловича, когда он приобретал первые работы, скажем, девять работ голландских старых художников, это было скорее поветрие. Просто купил, поставил, забыл. Потом, когда пришло время общения с художниками и познания этого удивительного, незнакомого для него мира, Павел Михайлович, а он был прекраснейшим аналитик, ушел, и тогда история русской живописи это история русской мысли в не меньшей степени, чем история русской литературы, и понять эту русскую мысль, выраженную живописью, можно только, проанализировав ее в развитии. Это один из основополагающих моментов его идеи собирания картин.

Надо сказать, Третьяков пришел к печальному выводу, что за редким исключением — того же Ивана Ивановича Шишкина, Виктора Михайловича Васнецова, Михаила Васильевича Нестерова, Василия Ивановича Сурикова, еще нескольких имен, — русская светская живопись, как и русская светская литература, сработала на разрушение государственности. Этим было вызвано последнее собирательство Павлом Михайловичем Третьяковым икон и работ древнерусских мастеров. Он понял, что в глубине своей предназначение художника это быть близким и не разлучаться с Церковью, служить ей.

С. Я. Абсолютно с тобой согласен. И вот, Лева, я прочитал тоже с очень большим интересом, и читал долго, поскольку она насыщена фактами, твою книгу "Иноземцы при государевом дворе". Колпун этот пласт, ты работаешь в русле провидческой литературы Достоевского, Хомякова, Леонтьева. Все, что они писали тогда, мы видим в сегодняшней нашей жизни. Знаешь, чтобы ответить нынешним разрушителям Отечества, им надо вместо "Капитала" Маркса насильственно давать читать "Бесы". Потому что все, что ими творится, и эта борьба с религией, с Православием, у Достоевского уже есть, начиная с лямбдинской мысли, запущенной за крест.

Вот свежая газета сообщает о встрече Путина и Буша, и тут же заметочка о том, что Буш отпустил своим соответствующим структурам 150 миллионов долларов на работу по свержению Путина. Как говорится, дружба дружбой, а табачок врозь. Но это еще послевизда добрая. К сожалению, отрицательное действие иноземцев в России, о котором рассказывает твоя книга, очень созвучно нынешнему положению. Поразительно, как подтачивалось все. Ведь в чем страшного некоторых и даже многих реформ Петра? В том, что он советы получал в Лефортове, в немецкой слободе. Я за интернациональность общения. И, как известно, русские славянофилы никогда не чурались поучиться у западных людей, но когда начинают винчивать ржавые гвозди, ржавые шурупы в основу государственности, последствия бывают очень печальными. О них нас предупреждал любимый мой писатель Алексей Константинович Толстой, предупреждал Федор Иванович Тютчев — человек, который провел большую часть жизни на Западе. В твоей книге замечательно показано, что предупреждения великих не утратили актуальности, потому что с тех пор опасность только усугубилась.

Сначала я подумал, зачем это Лева соскочил с такого удивительного совершенно скакуна, как изобразительное искусство, и начал заниматься политикой? Прочитав книгу, понимаю, насколько важны и полезны твои исследования. Но мне хотелось бы, чтобы в конце беседы ты подтодил, почему тебе интересны именно такие темы, как допустим, подлинная биография царевича Алексея, о которой ты уже упоминал. Я с тобой полностью согласен в отношении картины Ге. Он замечательный художник, но ошибался и в христианских, христологических своих вещах, и в исторических. Чем для тебя притягательна история?

Л. А. Савва, ты сейчас напомнил о картине Ге "Петр Первый допрашивает царевича Алексея", и я хочу сказать, что многие судят о русской истории, обращаясь к работам художников, а те нередко ошибаются. Мало кто знает, что картина Ге ложна изначально. Технически она великолепно исполнена, но никаких бесед между государем и сыном не было, а были пытки. И было более страшное, когда волею обстоятельств сложились два русских человека. Здесь трагедия и того и другого заключается в том, что начиная с XVII века две силы, которые решали в Европе все главные вопросы, — латинское иезуитство и английские протестанты, — не сговариваясь положили глаз на православную Россию. Их интересовали и сырье, и людские резервы. И им надо было овладеть влиянием на московский православный престол. Началась интрига, в центре которой оказались и Петр Первый, и его сын. Царевич Алексей — это один из образованнейших людей своего времени, богослов, хорошо знавший русскую историю, владевший пятью языками. Он не был противником реформ. Он осознавал их необходимость, но был противником, так же, как патриарх Адриан, того, чтобы ключевые посты в России заняли чужеземцы.

В России достаточно много было иностранцев, дела которых вызывают уважение. Достаточно вспомнить Владимира Дала. Люди, пришедшие с уважением к той культуре, которая существовала, впитывавшие ее в себя, останутся в памяти русского народа с благодарностью. Другое дело те, что шли с иными целями, ставя перед собой иные задачи. Многие в прошедшем с Петром объясняют его увлечение протестантизмом. И самая главная его ошибка — это, конечно, то, что отменил патриаршество на Руси. В конце жизни он попытался исправить дело, но было слишком поздно. В этом трагедия. И если, скажем, писать картину "Петр и царевич", конечно, надо в первую голову показывать не беседу или допрос отцом сына. Надо искать другой сюжет, другие мотивы для изображения того времени.

Знаменитая "Княжна Тараканова" Флавицкого. Спросите у каждого, кто такая княжна Тараканова, и вам скажут про картину в Третьяковской галерее. Но разве ведомо было молодому художнику Флавицкому, что к нему в руки попала написанная Костерой и оплаченная иезуитами книга о лже-Таракановой? Восприняв все за истину, пораженный происшедшим, он написал удивительную, потрясающей силы картину, но на самом деле этого не было. Когда работа Флавицкого выставлялась на Парижской выставке, внизу даже висело пояснение, сделанное по указанию самого государя, что картина не имеет своим сюжетом никакого отношения к настоящей княжне Таракановой.

Мне хочется, Савва, привести замечательные слова, сказанные Алексеем Константиновичем Толстым в "Князе Серебряном", слова, которые заканчивают эту книгу. "Простим же грешной тени Ивана Васильевича и поманем добром тех, которые, завися от него, устояли на добре. Ибо тягело не упасть в такое время, когда все понятия извращаются, когда низость называется добродетелью, предательство входит в закон, а самые честь и человеческое достоинство почитаются преступным нарушением долга. Мир праху вашему, люди честные. Плата дань веку, вы видели в Грозном проявление Божьего гнева и сносили его терпение. Но вы шли прямой дорогой, не боясь ни оцалы, ни смерти, и жизнь ваша не прошла даром, ибо ничто на свете не пропадает и каждое дело, и каждое слово, и каждая мысль вырастает, как дерево. И многое и доброе и злое, что, как загадочное явление, существует, поныне в русской жизни, таит свои корни в глубоких и темных недрах минувшего".

С. Я. Это прямое обращение к нам, сегодняшним, живущим в очень нелегкое время. И будем всегда руководствоваться теми мыслями, которые нам оставили такие люди, как Толстой, Тютчев, Достоевский и другие величайшие наши мыслители.

Рис. Марины ШОСТАКОВИЧ, 1985 г.

Лев АНИСОВ: «НАШИ КОРНИ - ВЕРА И ПРИРОДА»

Савва ЯМЩИКОВ. Лева, я знаю, жизнь твоя — это постоянная работа. Что для тебя самое главное, самое дорогое из того, что ты сделал? Что, как говорится, на сердце лежит и близко твоей душе, твоему уму?

Лев АНИСОВ. Слушая, Савва, твой замечательный рассказ, я невольно перенесся в далекое детство, школьные годы. Родился я в Замоскворечье, и не скажу, чтобы каждый день, а все же несколько раз в месяц мы бегали в Третьяковскую галерею. Спроси, зачем — не отвечу, не знаю, но бегали. И мог ли я даже подумать о том, что когда-нибудь судьба приведет меня к этому замечательному художнику, к Павлу Михайловичу Третьякову? Но, наверное, все-таки каждому из нас что-то предписано и в какой-то определенный срок что-то он должен сделать, что-то исполнить, а иначе зачем пришел в этот мир?

Случайно или нет, не знаю, как получилось, — скорее всего, от какого-то внутреннего противостояния тем идеям, которые носились в воздухе в ту пору в отношении Шишкина, возникла потребность заступиться за этого художника. Помнишь, как пытались долбить мысль, что лучше цветные фотографии делать, чем картины Шишкина смотреть. Даже в разговоре с людьми, которые вроде тебе симпатичны, слышалось: да ну, да упаси Бог. Вот посмотри, какие есть художники, а что такое Шишкин? И внутри что-то противилось, клочкотало. Я еще не знал художника, не знал его жизни, но мне хотелось возразить, и чтобы быть объективным в своем возразении, я решил узнать как можно больше об этом человеке.

Помню, как, впервые приехав в Елабугу, зимой, почти в полночь добрался до гостиницы и при свете лампы раскрыл письма Ивана Ивановича Шишкина, написанные сюда, к родителям. "Родные тятенька и маменька!" Как он мне стал близок. Еле дождался утра, чтобы помчаться посмотреть на дом, в котором родился Шишкин. А уж там, в комнатах, где прошли детские и юношеские годы Ивана Ивановича, вдруг понял, какой мир воспитал, вскормил его. Две вещи воспитывают русского человека и делают его богатым — Церковь и природа. Церковь дает идеологию, а природа наполняет человека звуками, наполняет музыкой. Что такое человек в лесу? Оставшись наедине со своими мыслями, он невольно замечает, что становится глуже, чище. Пение птиц, шуршание листьев, когда мышка или там ежик пробегит, — все это наполняет нас. И счастлив человек, который детство свое провел среди природы.

Проследившая весь путь Ивана Ивановича Шишкина, изучая его окружение, приходишь к осознанию величественного, могучего мира, наполненного высокой нравственностью, глубочайшим чувством ответственности перед Россией, перед своим делом. Этот мир открывается тебе, и ты понимаешь, сравнивая с тем, где ты сейчас находишься, что исчезло и что могло бы быть, если бы все перешло в наше время. Поэтому главным я считаю то, что, чей волей, не знаю, может быть, волей Всевышнего, но мне дано было соприкоснуться со стариной, познать ее и влюбиться в нее.

Ведь вот, например, напрочь теперь забыты три основных пункта завещания Павла Михайловича Третьякова. А он завещал, чтобы его галерея имела бесплатный вход, чтобы после его кончины никакие новые произведения не приобретались для галереи и чтобы не менялась та развеска, которую он делал последние годы, в которую вложил всю свою душу, все свое понимание того предмета, который составлял основную часть его жизни. Все три пункта нарушены. Я смело могу сказать, что Третьяковской галереи как таковой не существует. Вместо нее — галерея, в которой есть картины, приобретенные братьями Третьяковыми, и множество тех вещей, которые Павел Михайлович Третьяков встречал, видел, но в соответствии с той идеей, которая руководила его действиями, не покупал для галереи. Это тем более грустно, что касается памяти величайшего подвижника. Перед тем как начать работу над книгой о Третьякове, я долго не мог найти зацепку. Думаю, у каждого пишущего человека бывают подобные минуты. И вот, еще не зная детально жизнь Третьякова, однажды утром проснулся, свесил ноги с кровати, сижу и вдруг слышу внутри себя слово "завещание". Какое еще завещание, почему? Я начал изучать Третьякова с завещания, и первое, что мне бросилось в глаза, эти три пункта.

Точно так же шел от противного, работая над книгой о царевиче Алексее Петровиче, сыне Петра Первого, на котором, можно сказать, пресекался мужской род, русский род на царском престоле. Все не давала покоя мысль, почему в прекрасном фильме "Петр Первый", с которого я на всю жизнь Петра Первого полюбил, царевич Алексей предстал таким идиотом? Почему уже почти три сотни лет его представляют дураком? А может быть, все было не так? В ту пору у нас, сотрудников "Молодой гвардии", было право приобретать продукцию своего издательства. И вот, глядя на обложку только что вышедшей книжки Юрия Федорова "Да не прощен будет", с Петром Первым и пониженным царевичем Алексеем, я опять услышал внутренний голос: нет, наверняка все было не так.

Не зная совершенно дела, но желая понять происходившее, стал копать, копать, копать. И наступил удивительный момент. У меня были документы, что, предположим, 23 сентября тысяча семьсот такого-то года Петр Первый отправился туда-то. Что было дальше, неизвестно. Все, обрыв. А я книжник, можно сказать, свою библиотеку собрал ногами, хождением по книжным магазинам. Вышел из дому, думаю, сюда сегодня не пойду, сюда не пойду. Пойду-ка туда. Пришел в "Книжную находку". А там внизу был отдел, где лежали старые прологи, четьи-мины, которые меня, в общем, никогда особо не интересовали.

Почему мой взгляд остановился на какой-то толстой книге, у которой на корешке даже названия не было, почему именно ее я выделил, попросил показать — не знаю. Оказалось, сочинение какого-то Чарыкова "Путешествие Павла Григорьевича Минези во Флоренцию". Кто такой Минези, кто такой Чарыков, я представляю не имел. Но велико было мое удивление, когда совершенно непроизвольно раскрыл книгу, вдруг увидел то самое продолжение, которого я не знал, которое искал. В том документе все обрывалось 23 сентября, а здесь читаю, что 24-го Петр Первый был занят тем-то и тем-то. Вот такие события наводят на мысль, что, может быть, твоей рукой подчас водит сила небесная.

Я признаю судьбу, которая свела меня и с Шишкиным, и с Павлом Михайловичем Третьяковым, и с замечательным, великодушным, глубочайшим русским художником Александром Андреевичем Ивановым. Браться за него было, мне казалось, что одолеть столь сложную фигуру невозможно. Но все-таки на четыре года я ушел в то время. Это были четыре года напряженного, причем каждодневного труда, даже если не писал, а просто изучал письма, воспоминания, документы. Меня очень интересовала расшифровка фигуры раба на картине, и в Третьяковской галерее в отделе рисунков я попросил папочку с рисунками, изображающими эту голову. Открыл альбом, и вдруг как будто кто проник сквозь ме-

ня. Я подумал: ведь вот смотри, есть ты, есть этот альбом с рисунками Александра Иванова. Впервые как-то физически почувствовал, что мы почти рядом.

Понять такого большого художника, как Александр Иванов, это понять, конечно, то время и те взаимоотношения, которые сложились между Россией и Европой. Ведь православная Россия оказывалась наедине с восставшей Европой. Язычество уже второй раз после Возрождения накатом нахлынуло на христианство. В странах Европы рухнули все гражданские устои, основанные на христианских основах. Приехав в Италию, Александр Иванов, в первую очередь как художник, не мог не чувствовать той обстановки, в которой он оказался. Не мог не почувствовать разницы между оставленной им православной Россией и начинающей терять основы христианства Европой, в которой он оказался. И мысль его замкнулась на разрешении вопроса, а почему это происходит? Откуда первоисточник? Откуда такое отношение к христианству?

Именно этим можно объяснить обращение Иванова к временам, когда в мир явился Спаситель. Ведь в ту пору, как, впрочем, и сейчас, надо было четко отвечать на вопрос: ты веришь или нет? Умный человек, безусловно, понимал, что за признанием Иисуса Христа просто человеком стояла более глубокая, страшная идея внедрения в жизнь не христианских идеалов, а идеалов совершенно других — идеалов власти денег и т.д. Что мог сделать художник, владеющий кистью, красками? Обратившись к этой теме, к этому сюжету, он как бы говорил: "Люди, опомнитесь. Куда вы идете? К чему направляет ваш разум? Было явление мессии в мир, с него началась жизнь человечества". Недаром, перед тем как приступить к работе над "Явлением мессии", Иванов написал небольшую замечательную работу "Явление Христа Марии Магдалине", за которую получил, кстати, звание академика.

Это был, как я полагаю, ответ Иванова на вопрос, стоявший тогда практически перед всеми, в том числе перед русской колонией в Риме. Он говорил: "Я верую". Помню, еще не зная подробности жизни Павла Михайловича Третьякова, в одной из книг прочел якобы последние слова Павла Михайловича перед кончиной: "Сохраните мою галерею!". Велико же было мое удивление, когда из записок священника, пришедшего исповедать Третьякова, я узнал, что последние слова Павла Михайловича — трижды им сказанное: "Верую, верую, верую". Русский человек без православия — это не русский человек.

С. Я. Александр Иванов для меня всегда был явлением очень сложным, потому что это русский человек, большую часть жизни проживший "там". У нас сейчас какой-нибудь не изгнанный, а просто уехавший уже объявляет, что он диссидент, и возвратиться сюда не может по таким-то причинам. Александр Андреевич находился за границей не потому, что не любил Россию, а потому что действительно служил этой своей идее — идее "Верую". Думаю, если бы книга твоя об Иванове вышла лет тридцать назад, она произвела бы действительно потрясающее впечатление. О ней говорили бы, как, к примеру, о нашем открытии русских портретов, как о творчестве возвращенного из забвения Ефима Васильевича Честнякова.

И очень близко мне то, что ты сказал по поводу Шишкина. Понимаешь, в чем дело. Я ведь тоже был молодым и помню тогдашнее отношение к классике и авангарду. Что там какие-то русские портретисты, Левитский, Боровиковский? Да мы только что в Пушкинском музее Пикассо смотрели. Хрущев в Манеже выставку разгромил. Вот события! Мы-то думали, что это свежий глоток свободы, а теперь я понимаю, что тогда и начиналось то, к чему пришли сегодня. Только столкнувшись и с Левитским, и с Боровиковским, и с Рокотовым, открыв портреты Островского, я понял, какой это клад и почему не прекратилось развитие нашего искусства после древнерусской живописи. Если по поводу Шишкина могут сейчас плестись в "Школе злословия", бороться с этим надо, но знаешь, Лева, в общем-то, я всегда руководствуюсь замечательной восточной мудростью: собаки лают, а караван идет своим путем. И как раз заслуга твоя, что ты об этом караване великолепно в своих книгах рассказываешь.

Л. А. Глядя на твою книгу, вдохновенное беседой, я вспомнил лунные такие глаза Куприна, ты мне сейчас его напомнил. Как это ни удивительно, но беда, наверное, нашей литературы в предшествующие годы заключалась в том, что она очень редко обращалась к теме "Художник и религия". А стоит невозможно колпунуть, и вдруг выясняется, что, скажем, отец Александра Иванова расписывал храмы. Наверное, имеет смысл привести один эпизод, очень много значащий для понимания Александра Андреевича. Дело в том, что однажды Андрея Ивановича пригласили расписать иконостас церкви, носящей имя родителей Иоанна Крестителя. Церковь патронировала супруга императора Александра I Елизавета Алексеевна, и будучи ученицей академика Егорова, она одну из икон писала сама. Но к тому времени, это, по моему, был 1821 год, она уже чувствовала себя настолько ослабленной, что почти не выезжала из дворца. Нетрудно представить, что и ей, и художнику было важно, чтобы все иконы создавались в одном русле. И естественно, императрица, чтобы проследить за ходом работ, приглашала мастеров к себе в Зимний. А надо сказать, что в домовой церкви дворца хранилась одна из величайших святынь христиан — десница Иоанна Крестителя. В письме Александра Иванова к его дядюшке проскальзывает такая строка: "Недавно я написал эскиз Иоанна Крестителя, проповедующего в пустыне". Об этом упоминал в своей книге об Иванове Михаил Алпатов, писали и другие исследователи. Но под их внимание как будто не падал тот факт, что эскиз написан в то самое время, когда Иванов помогал тогда расписывать иконостас. Думаю, произошло следующее: пригласил художников к себе и зная их как людей воцерковленных, императрица не могла не разрешить им посмотреть, увидеть и прикоснуться к этой святыне. Каково могло быть впечатление 16 — 17-летнего Александра Иванова, когда он увидел ту самую десницу, руку, которая, почерпнув воду в Иордане, поднялась над головой самого Иисуса Христа? Не отсюда ли причина написания эскиза "Иоанн Креститель проповедует в пустыне", и не это ли является основой того, что через десятилетия он приступит к работе и напишет лучший в мировом искусстве образ Иоанна Крестителя?

Не мои слова, но я с ними целиком согласен: все мы вышли из нашего детства, из того, чем были наполнены до 7 — 8 лет. Все остальное в продолжение своей жизни черпаем оттуда — свои впечатления, свои отношения, свое понимание. И если приглядеться к великому художнику, то думаешь: как удивительная среда, в которой он пребывал в детстве, передана в картине. И ты получаешь радость наслаждения от того мира, в котором этот маленький человечек жил, который он видел. Вот как поразила Шишкина в детстве афанасьевская корабельная роща, так практиче-

ски всю жизнь он писал, я могу сказать, одну и ту же картину. Мне кажется, он совершенствовал себя, свою технику с тем, чтобы наиболее полно передать радость и восторг, которые ощутил, оказавшись в афанасьевской корабельной роще. И этой картиной он закончил жизнь, вскоре после нее скончался. Или Виктор Михайлович Васнецов, слушавший от отца-священника русские народные сказки, русский фольклор, который пропитал его. Он начал живопись с жанровых, бытовых картинок, но вскоре отошел от них, и тогда выплеснулось то сокровенное, что наполнило жизнь. Отсюда та радость, которую испытываешь перед "Тремя богатырями", "Иваном-царевичем на сером волке". Да перед всем, что есть в Третьяковской галерее.

Суриков совсем маленьким был, когда увидел папача, расхаживавшего в красной рубахе, кушаке и поджидавшего свою жертву. Впечатление оказалось настолько сильным, что сохранилось до той самой поры, когда Суриков приступил к картине "Утро стрелецкой казни", с которой вступил в мир как художник и которая принесла ему признание. Все это подтверждает мои догадки, но так ли, не так ли, не знаю, потому что говорю субъективно.

Что касается Павла Михайловича Третьякова, он ведь начал, как многие купцы, а это выходы из крестьян, люди, не сказать, чтобы скверняки, но умеющие ценить заработанную копейку и желающие не попусту потратить ее. И для Павла Михайловича, когда он приобретал первые работы, скажем, девять работ голландских старых художников, это было скорее поветрие. Просто купил, поставил, забыл. Потом, когда пришло время общения с художниками и познания этого удивительного, незнакомого для него мира, Павел Михайлович, а он был прекраснейшим аналитик, ушел, и тогда история русской живописи это история русской мысли в не меньшей степени, чем история русской литературы, и понять эту русскую мысль, выраженную живописью, можно только, проанализировав ее в развитии. Это один из основополагающих моментов его идеи собирания картин.

Надо сказать, Третьяков пришел к печальному выводу, что за редким исключением — того же Ивана Ивановича Шишкина, Виктора Михайловича Васнецова, Михаила Васильевича Нестерова, Василия Ивановича Сурикова, еще нескольких имен, — русская светская живопись, как и русская светская литература, сработала на разрушение государственности. Этим было вызвано последнее собирательство Павлом Михайловичем Третьяковым икон и работ древнерусских мастеров. Он понял, что в глубине своей предназначение художника это быть близким и не разлучаться с Церковью, служить ей.

С. Я. Абсолютно с тобой согласен. И вот, Лева, я прочитал тоже с очень большим интересом, и читал долго, поскольку она насыщена фактами, твою книгу "Иноземцы при государевом дворе". Колпун этот пласт, ты работаешь в русле провидческой литературы Достоевского, Хомякова, Леонтьева. Все, что они писали тогда, мы видим в сегодняшней нашей жизни. Знаешь, чтобы ответить нынешним разрушителям Отечества, им надо вместо "Капитала" Маркса насильственно давать читать "Бесы". Потому что все, что ими творится, и эта борьба с религией, с Православием, у Достоевского уже есть, начиная с лямбдинской мысли, запущенной за крест.

Вот свежая газета сообщает о встрече Путина и Буша, и тут же заметочка о том, что Буш отпустил своим соответствующим структурам 150 миллионов долларов на работу по свержению Путина. Как говорится, дружба дружбой, а табачок врозь. Но это еще послевизда добрая. К сожалению, отрицательное действие иноземцев в России, о котором рассказывает твоя книга, очень созвучно нынешнему положению. Поразительно, как подтачивалось все. Ведь в чем страшного некоторых и даже многих реформ Петра? В том, что он советы получал в Лефортове, в немецкой слободе. Я за интернациональность общения. И, как известно, русские славянофилы никогда не чурались поучиться у западных людей, но когда начинают винчивать ржавые гвозди, ржавые шурупы в основу государственности, последствия бывают очень печальными. О них нас предупреждал любимый мой писатель Алексей Константинович Толстой, предупреждал Федор Иванович Тютчев — человек, который провел большую часть жизни на Западе. В твоей книге замечательно показано, что предупреждения великих не утратили актуальности, потому что с тех пор опасность только усугубилась.

Сначала я подумал, зачем это Лева соскочил с такого удивительного совершенно скакуна, как изобразительное искусство, и начал заниматься политикой? Прочитав книгу, понимаю, насколько важны и полезны твои исследования. Но мне хотелось бы, чтобы в конце беседы ты подтодил, почему тебе интересны именно такие темы, как допустим, подлинная биография царевича Алексея, о которой ты уже упоминал. Я с тобой полностью согласен в отношении картины Ге. Он замечательный художник, но ошибался и в христианских, христологических своих вещах, и в исторических. Чем для тебя притягательна история?

Л. А. Савва, ты сейчас напомнил о картине Ге "Петр Первый допрашивает царевича Алексея", и я хочу сказать, что многие судят о русской истории, обращаясь к работам художников, а те нередко ошибаются. Мало кто знает, что картина Ге ложна изначально. Технически она великолепно исполнена, но никаких бесед между государем и сыном не было, а были пытки. И было более страшное, когда волею обстоятельств сложились два русских человека. Здесь трагедия и того и другого заключается в том, что начиная с XVII века две силы, которые решали в Европе все главные вопросы, — латинское иезуитство и английские протестанты, — не сговариваясь положили глаз на православную Россию. Их интересовали и сырье, и людские резервы. И им надо было овладеть влиянием на московский православный престол. Началась интрига, в центре которой оказались и Петр Первый, и его сын. Царевич Алексей — это один из образованнейших людей своего времени, богослов, хорошо знавший русскую историю, владевший пятью языками. Он не был противником реформ. Он осознавал их необходимость, но был противником, так же, как патриарх Адриан, того, чтобы ключевые посты в России заняли чужеземцы.

В России достаточно много было иностранцев, дела которых вызывают уважение. Достаточно вспомнить Владимира Дала. Люди, пришедшие с уважением к той культуре, которая существовала, впитывавшие ее в себя, останутся в памяти русского народа с благодарностью. Другое дело те, что шли с иными целями, ставя перед собой иные задачи. Многие в прошедшем с Петром объясняют его увлечение протестантизмом. И самая главная его ошибка — это, конечно, то, что отменил патриаршество на Руси. В конце жизни он попытался исправить дело, но было слишком поздно. В этом трагедия. И если, скажем, писать картину "Петр и царевич", конечно, надо в первую голову показывать не беседу или допрос отцом сына. Надо искать другой сюжет, другие мотивы для изображения того времени.

Знаменитая "Княжна Тараканова" Флавицкого. Спросите у каждого, кто такая княжна Тараканова, и вам скажут про картину в Третьяковской галерее. Но разве ведомо было молодому художнику Флавицкому, что к нему в руки попала написанная Костерой и оплаченная иезуитами книга о лже-Таракановой? Восприняв все за истину, пораженный происшедшим, он написал удивительную, потрясающей силы картину, но на самом деле этого не было. Когда работа Флавицкого выставлялась на Парижской выставке, внизу даже висело пояснение, сделанное по указанию самого государя, что картина не имеет своим сюжетом никакого отношения к настоящей княжне Таракановой.

Мне хочется, Савва, привести замечательные слова, сказанные Алексеем Константиновичем Толстым в "Князе Серебряном", слова, которые заканчивают эту книгу. "Простим же грешной тени Ивана Васильевича и поманем добром тех, которые, завися от него, устояли на добре. Ибо тягело не упасть в такое время, когда все понятия извращаются, когда низость называется добродетелью, предательство входит в закон, а самые честь и человеческое достоинство почитаются преступным нарушением долга. Мир праху вашему, люди честные. Плата дань веку, вы видели в Грозном проявление Божьего гнева и сносили его терпение. Но вы шли прямой дорогой, не боясь ни оцалы, ни смерти, и жизнь ваша не прошла даром, ибо ничто на свете не пропадает и каждое дело, и каждое слово, и каждая мысль вырастает, как дерево. И многое и доброе и злое, что, как загадочное явление, существует, поныне в русской жизни, таит свои корни в глубоких и темных недрах минувшего".

С. Я. Это прямое обращение к нам, сегодняшним, живущим в очень нелегкое время. И будем всегда руководствоваться теми мыслями, которые нам оставили такие люди, как Толстой, Тютчев, Достоевский и другие величайшие наши мыслители.